

Атмосфера была крайне напряженной.

Когда Тан Юэ говорил, в его голосе не было эмоционального тона, но он все равно вызывал у людей огромное чувство давления. Тела Тан Минцина и Туан Туана слегка дрожали.

Кожа головы Сун Линьчу тоже немного онемела.

С остротой холодного лезвия взгляд Тан Юэ пробежался по ним, и с его угла казалось, что Тан Минцин наполовину обнимает Сун Линьчу.

Руки Тан Юэ сжались, и он сказал холодным голосом: «Иди сюда».

Было ясно, к кому он обращается. Сун Линьчу на мгновение заколебался, затем обошел Туан Туана и Тан Минцина и подошел к Тан Юэ.

Когда он подошел к Тан Юэ, Сун Линьчу немного нервничал и опустил глаза, тихо выкрикивая: «Гэгэ».

Тан Юэ не ответил ему, он просто протянул руку, и Сун Линьчу почувствовал теплое прикосновение к своей шее.

Затем он почувствовал, как ткань натирает его кожу на шее, и только тогда он понял, что воротник его рубашки каким-то образом стал кривым.

Тан Юэ помог ему расправить воротник и разгладить складки, не торопясь. Его движения были похожи на движения влюбленной пары, нежные и естественные, но в то же время собственнические, как будто этим жестом он заявлял зрителям о своей собственности.

Лицо наблюдателя Тан Минцина побледнело.

Другой наблюдатель был зол, его женой воспользовались!

Сун Линьчу не удивился. В конце концов, что плохого в проявлении привязанности? Пожилые мужчины опытни в таких делах.

Тан Юэ убрал руку, и его взгляд снова упал на Тан Минцина.

— Вы так увлеченно болтали. Я бы тоже хотел это услышать.

Тан Минцин заколебался: «Я, мы...»

Он только что поклялся помочь Сун Линьчу вынести всю тяжесть ситуации, но когда он действительно столкнулся с Тан Юэ, он понял, что не был таким храбрым.

Туан Туан знал, что он уже накопил достаточно баффов смерти в сердце своего дяди, и его жизнь в любой момент может оказаться в опасности. Теперь была хорошая возможность испустить свою вину и избавиться от любовного соперника.

Поэтому Туан Туан сразу же сказал: «Этот плохой парень продолжал приставать к Старшему брату и настаивал на том, что он нравится старшему брату. Он отказался уходить!»

Тан Минцин: «...»

Каждое слово этого маленького сопляка было правдой, но вместе они звучали так неправильно.

Увидев, как помрачнело лицо дяди, Тан Минцин не осмелился позволить Туан Туану продолжать говорить. Он поспешно сказал: «Дядя, дело в том... Сун Линьчу и я были в отношениях какое-то время, я не знаю, знаешь ли ты».

Тан Юэ промолчал.

Тан Минцин мог только продолжить: «Прошло меньше полугода с тех пор, как мы расстались, и он женился на тебе. Боюсь, он все еще испытывает ко мне чувства и видит в тебе мою замену. Я думал, что если он объяснит это тебе со мной, ты также будешь винить меня. В конце концов, я тоже несу ответственность за это дело».

Наконец, Тан Юэ ответил: «Ответственность за что?»

Это было главным?

Тан Минцин подавил желание вытереть холодный пот и продолжил говорить, напрягая верхнюю губу: «Просто... Когда я встречался с ним, я влюбился в другого человека, что разбило ему сердце. Маленький дядя, пожалуйста, не вини его. Он сделал то, что сделал, потому что у него было слишком много горя. На самом деле он очень хороший и незаурядный человек. Это все моя вина».

Сказав это, Тан Минцин почувствовал облегчение.

Понимаете, у него есть чувство ответственности. Он осмеливается признать свои ошибки.

Сун Линьчу было уже слишком лень закатывать глаза.

Иметь такого бывшего парня — это действительно плохая карма из прошлой жизни.

«С такой богатой личной жизнью, — голос Тан Юэ был лишен эмоций, — кажется, что у тебя много свободного времени».

У Тан Минцина было плохое предчувствие.

Разумеется, Тан Юэ продолжил: «Начиная со следующего семестра твоя семья не даст тебе ни цента на проживание. Похоже, у тебя будет достаточно времени, чтобы стать самодостаточным».

Услышав это, лицо Тан Минцина позеленело.

С тех пор, как Тан Юэ сказал его дяде, чтобы он давал ему всего 1000 юаней в месяц, его жизнь стала трудной. К счастью, его родители все еще могут давать ему 10 000 юаней в месяц, так что все было не так уж плохо.

Но если даже его родители перестанут давать ему деньги, что он будет есть?

Должен ли он идти искать работу?

Тогда его друзья будут смеяться над ним.

Тан Минцин забеспокоился: «Дядя, я...»

Тан Юэ махнул рукой, прерывая его слова: «Я не буду обсуждать это с тобой».

«...»

Лицо Тан Минцина то бледнело, то зеленело. Было ясно, что он хотел попросить своего дядю об одолжении, но он был вынужден проглотить свои слова, когда увидел безразличное лицо Тан Юэ.

Сун Линьчу испытал чувство удовлетворения, увидев, как страдает Тан Минцин.

Он думал, что Тан Юэ балует Тан Минцина, но теперь кажется, что он именно такой.

Видя, как Тан Минцин боялся его, Тан Юэ, вероятно, относится к нему не иначе, чем к другим своим племянникам и племянницам.

Думая об этом, маленький демон в сердце Сун Линьчу стал безудержным, шепча Тан Юэ: «Гэгэ, он все еще получает красные конверты во время китайского Нового года».

Ранее в этом году он слышал, как Тан Минцин хвастался, что может получить более 100 000 юаней в красных конвертах.

Тан Юэ холодно сказал: «В этом году больше нет».

Тан Минцин: «...»

Лицо Тан Минцина менялось несколько раз, но он не мог набраться смелости, чтобы бросить вызов Тан Юэ.

В конце концов он уныло сказал: «Я понимаю, дядя».

Тан Юэ хмыкнул в ответ, жестом призывая его уйти.

Су Чжань, пришедший на поиски Тан Минцина, все ясно видел. Он не рассердился на слова Тан Минцина, или, скорее, он был слишком занят, чтобы заботиться, когда смотрел на Тан Юэ.

Какой красивый мужчина.

Если только...

Сердце Су Чжаня забилось быстрее. Если бы он смог похитить Тан Юэ и стать мужем главы первой благородной семьи в Хайкоу, ему бы поклонялись везде, куда бы он ни пошел. Вот это был бы настоящий брак в богатой семье!

В то время не только Тан Минцин, но даже его дядя приходил и кланялся ему.

...

После того, как Тан Минцин ушел, Туан Туан также попытался уйти из поля зрения Тан Юэ, прижавшись к стене.

"Куда ты идешь?" Тан Юэ даже не поднял глаза, как будто у него были глаза на затылке.

Туан Туан напрягся.

Потом он опустил голову и сгорбился: «Дядя...»

Сун Линьчу нашел его настолько забавным в этом состоянии, что не мог не потереть голову рукой.

Пушистая голова Туан Туана терлась о его ладонь, как воспитанный маленький щенок.

Лицо Тан Юэ стало еще мрачнее.

— Ты тоже бездельничаешь? — холодно спросил Тан Юэ.

Туан Туан боялся, что этот сумасшедший заставит его быть самостоятельным, и покачал головой, как в бубен: «Нет, дядя, я очень занят. Помимо школы, я также занимаюсь игрой на фортепиано, рисую и занимаюсь рукоделием!»

Сун Линьчу закрыл лицо, чувствуя себя так, как будто с одним ребенком покончено.

Конечно же, Тан Юэ сказал: «Тогда у тебя недостаточно домашней работы. Отныне занимайся игрой на фортепиано по дополнительному часу каждый день».

Туан Туан: ???

Ты дьявол?

Словно пораженный молнией, Туан Туан закричал: «Ты издеваешься над детьми, у-у-у».

Тан Юэ: «Два часа».

Туан Туан: «...»

Туан Туан был готов умереть от гнева. Он боялся, что его демонический дядя заставит его заниматься игрой на фортепиано еще два часа, поэтому он мог только украдкой поглядывать на Сун Линьчу и надеяться получить его помощь. Кто знал, что Тан Юэ встанет прямо между ними, перекрывая ему линию обзора.

«...»

Злобный, бесстыдный и извращенный!

Туан Туан сжал свои маленькие кулачки и в глубине души проклял дядю. Но когда он поймал холодный взгляд дяди, его тело задрожало, и он снова убежал, плача.

Глядя на удаляющуюся фигуру Туан Туана, Сун Линьчу обеспокоенно сказал: «Разве не плохо заставлять такого маленького ребенка так много практиковаться?»

Тан Юэ усмехнулся: «Если я не заставлю его практиковать, это сделают его родители».

«Ах», — с пониманием сказал Сун Линьчу, сочувствуя Туан Туану.

В этот момент подошел Чэн Бин.

Он прошептал: «Сэр, мадам Тан здесь и хочет видеть господина Суна».

Муж мадам Тан и дедушка Тан были биологическими братьями. Из-за последовательных смертей этого поколения мадам Тан обладала самой высокой квалификацией в семье Тан.

Все в семье Тан боялись Тан Юэ, но она осмелилась противостоять ему из-за своего старшинства и статуса.

Например, все пришли вовремя и не осмелились опаздывать, а она намеренно пришла в середине мероприятия, чтобы заявить о своем особом статусе.

Тан Юэ не обманули ее уловки, и он равнодушно сказал: «Пусть она подождет».

«Хорошо, сэр», Чэн Бин не удивился и сказал: «Зал готов. Не хотите ли вы пойти туда с господином Суном прямо сейчас?»

Тан Юэ ответил звуком одобрения.

Сун Линьчу не понимал, о чем они говорили, поэтому он последовал за Тан Юэ в другой зал. Этот был гораздо более роскошным, чем предыдущий, с официантами, толкающими тележки с едой, а столы были заполнены различными деликатесами.

Хотя для вечеринки было приготовлено много еды, как только они прибыли, они были окружены людьми и не имели возможности что-либо съесть.

Сун Линьчу раньше не чувствовал голода, но теперь, когда он увидел пар, поднимающийся от стола, полного еды, его желудок заурчал.

Когда они вошли в гостиную, официант выдвинул для них два стула.

«Пожалуйста, садись», — сказал Тан Юэ.

Сун Линьчу сел на один из стульев и осторожно положил подарок Туан Туана в сторону. Официант вежливо спросил, не хочет ли он оставить его на хранение, и Сун Линьчу сказал, что отнесет его на мероприятие позже.

Он не знал, что дал ему Туан Туан, поэтому напомнил официанту: «Не ломайте».

— Да, сэр, — официант осторожно поднял подарок, — я сохраню его для вас.

Тан Юэ недобрым взглядом посмотрел на маленький пакет и сказал: «Это подарок от Туан Туана».

Это был не запрос, а заявление.

Хотя Туан Туан считал Сун Линьчу своим тайным любовником, Сун Линьчу не думал, что в этом что-то не так, потому что другой был всего лишь ребенком. Он улыбнулся и сказал: «Да, я даже не знаю, что он мне подарил. Я с нетерпением жду посмотреть».

Тан Юэ хмыкнул и ничего не сказал, взяв палочки для еды и начав есть.

Еда в этом ультра-пятизвездочном отеле была восхитительной, и Сун Линьчу был очень голоден. Он много ел, но когда повернул голову, то заметил, что Тан Юэ почти не касалась своих палочек для еды.

— Гэгэ, ты не голоден? — спросил Сун Линьчу.

Неужели этот человек настолько привередлив, что не стал бы есть даже это?

Сун Линьчу только недавно обнаружил, что Тан Юэ был придирчивым едоком, который не ел много вещей, и отказывался есть многие блюда, если они не были приготовлены определенным образом.

Он не ел блюда с дыней и предпочитал лук, имбирь и чеснок в качестве приправы. Если бы он приготовил блюдо с добавлением измельченного чеснока, измельченного имбиря и измельченного зеленого лука, он не стал бы его есть.

Тан Юэ отложил палочки для еды и посмотрел на него. «Заместитель?»

— Кхм, кхм, кхм! Сун Линьчу чуть не подавился собственной слюной.

Неудивительно, что Тан Юэ беспокоился по этому поводу. В конце концов, он проявлял к нему большой интерес и дико флиртовал с ним, хотя они никогда не встречались. Комментарий имел

СМЫСЛ.

Тан Юэ был таким гордым человеком, что даже если бы он ему не нравился и брак с ним был только договорным соглашением, он не хотел бы, чтобы его считали заменой, особенно его собственному племяннику. Это было бы слишком неловко.

Сун Линьчу несколько раз кашлянул, прежде чем отдышаться, и быстро объяснил: «Как это возможно? Он мне не нравился с того момента, как я узнал, что он мне изменяет».

Тан Юэ посмотрел на него.

"Я клянусь!" Сун Линьчу чуть не поднял руку к небу. «Мы встречались всего два или три месяца, и все это время я готовился к конкурсу и был очень занят. У меня почти не было времени побыть с ним, поэтому вместо этого он переспал с моим соседом по комнате».

— Ты так искусно флиртуешь, разве ты не использовал это на нем раньше? — спросил Тан Юэ.

"Нет! Я никогда не использовал его на нем. Мне было очень холодно с ним. Когда он не связывался со мной в WeChat, я тоже не связывался с ним. Я редко общался с ним в WeChat. Он даже несколько раз злился на меня, потому что чувствовал, что на самом деле мы не в отношениях».

Губы Тан Юэ скривились.

«Я научился флиртовать, когда дело касалось тебя!» Сун Линьчу сказал, опуская глаза и грустно говоря: «Я просто боюсь, что если я не буду более восторженным, ты тоже убежишь».

Тан Юэ сделал паузу, его взгляд слегка упал на волосы Сун Линьчу.

Волосы Сун Линьчу, которые были аккуратно уложены, теперь были немного растрепаны, и Тан Юэ протянул руку и пригладил их. Гель для волос ослаб, а волосы юноши были немного мягкими, и их было трудно пригладить.

Он убрал руку и легко сказал: — Измена — не семейная черта.

В глазах Сун Линьчу сверкнуло торжествующее выражение, но он все еще звучал обиженно, когда сказал: «Кто знает. Если в будущем я не буду так воодушевлен, не соблазнишься ли ты небольшим количеством зеленого чая или маленьким белым лотосом?»

«Если бы я был таким непостоянным, был бы я здесь с тобой сегодня?»

«...» Казалось, что в этом нет ничего плохого.

Прямолинейные стальные люди слепы, и для него соблазнительные приемы, которые Су Чжань использовал, чтобы соблазнить Тан Минцина, вероятно, можно было выразить одним словом: скучно.

Сун Линьчу немедленно ожил, наклонился, чтобы обнять руку Тан Юэ, и сказал: «Гэгэ — лучший. Мне нравится только гэгэ».

Тебе нравлюсь только я, но ты до сих пор принимаешь подарки от других мужчин (Туан Туана)?

Тан Юэ крепко обнял Сун Линьчу и сказал: «Иди, поправь прическу, мы вернемся на место встречи позже».

Сун Линьчу улыбнулся и сказал: «Хорошо».

Дежурный отвел Сун Линьчу в гримерку, и Тан Юэ тоже вышел из гостиной, тихо проинструктировав Чэн Бина: «В будущем нет необходимости уведомлять филиал, принадлежащий Тан Юмину, о каких-либо действиях».

Тан Юмином звали дядю Тан Минцина. Они уже были более отдаленной ветвью семьи Тан. После того, как у Тан Юмина диагностировали неизлечимую болезнь, их семья неизбежно потерпела неудачу, и они постепенно стали маргинализированы.

Теперь решение Тан Юэ было равносильно исключению их из сферы власти. Хотя они все еще были членами семьи Тан, они больше не могли пользоваться преимуществами и защитой, которые имели другие члены.

Для Тан Юэ это было просто приговором, но для них это было равносильно ухудшению ситуации.

— Хорошо, сэр, — ответил Чэн Бин.

Чэн Бин не был удивлен решением Тан Юэ. Самому Тан Юэ не нравилось аморальное поведение Тан Юмина, которое наносило вред другим и приносило пользу самому себе в ранние годы, когда он зарабатывал состояние, но Тан Юмин просто не был настолько важен для Тан Юэ, чтобы это учитывать.

Теперь, когда он и Сун Линьчу получили свидетельство о браке, этот день должен был рано или поздно наступить.

Ведь муж должен защищать свою жену.

Хотя жена, о которой идет речь, не знал об этом.

Тан Юэ собирался вернуться на место встречи, когда кто-то внезапно появился рядом с ним.

Су Чжань некоторое время прятался здесь, наблюдая, как Тан Юэ застегивает свой костюм и разговаривает со своим секретарем, направляясь к месту встречи. Он знал, что это его единственный шанс.

Он сожалел, что сегодня не надел женскую одежду, так как это было его козырной картой.

Но здесь он не мог измениться. Сегодня он был одет в такой красивый наряд высокого класса и даже накрасился. Он не должен быть намного хуже, чем Сун Линьчу с точки зрения внешнего вида.

Более того, его восхождение на вершину было основано не на его внешности, а на его методах.

Су Чжань притворился немного пьяным и спотыкался, ища хороший угол, а затем наткнулся прямо на Тан Юэ.

Увидев, что он вот-вот упадет в его объятия, Тан Юэ холодно отступил в сторону, в результате чего Су Чжань потерял равновесие и тяжело упал на пол.

Даже толстый ковер на полу издавал «глухой» звук, указывающий на то, что он сильно упал.

Су Чжань чуть не закашлялся кровью.

Он выдавил слезы и с сожалением посмотрел на Тан Юэ: «Мистер Тан, извините. Я слишком много выпил и не мог стоять на ногах. Надеюсь, я не причинил вам вреда».

Тан Юэ нахмурился и спросил: «Кто ты?»

«Я Су Чжань, тоже гость на сегодняшнем банкете», — ответил Су Чжань, пытаясь встать, но безуспешно. Он посмотрел на Тан Юэ умоляющим взглядом и сказал: «Мистер Тан, кажется, я подвернул ногу. Можете мне помочь?»

Он потер ногу и издал тихое «шшш»: «Очень больно».

Хотя Тан Юэ не знал лицо Су Чжаня, как только он услышал имя, он понял, кто он такой.

Он спросил Чэн Бина низким голосом: «Ты пригласил его?»

«Нет, — поспешно сказал Чэн Бин, — должно быть он пришел с молодым мастером Танем».

Тан Юэ продолжил идти мимо Су Чжэня и холодно выплюнул несколько слов: «Это семейный банкет».

Чэн Бин сразу понял, что он имеет в виду. Это был семейный банкет, так какое дело Су Чжэню, никому не известному происхождению, здесь?

Су Чжэнь попытался схватить Тан Юэ за рукав, но его удержали несколько подбежавших охранников.

— Вы, отпустите... ммф.

Охранники бесцеремонно закрыли ему рот и проигнорировали его протесты, выпроводив из отеля.

Рядом с отелем была площадь с фонтанами, где многие люди смотрели шоу фонтанов, а некоторые даже снимали его на свои телефоны. Когда они увидели Су Чжэня, которого сопровождают несколько охранников, все они нацелили на него свои телефоны.

Кто знает, кто отдал приказ, но один охранник даже сказал: «Не будь третьим лицом в следующей жизни».

Как только он заговорил, на Су Чжэня было направлено больше телефонов.

Его дорогая одежда уже была мятой, волосы взлохмачены от борьбы, он очень походил на выгнанную любовницу. Люди указывали на него и говорили о нем, а он был и зол, и пристыжен, почти убегая в смущении.

Когда банкет закончился, было уже поздно.

Когда Сун Линьчу и Тан Юэ покинули зал, было уже девять часов вечера.

В эти дни погода стала холодной. В хорошо отапливаемом зале все было в порядке, но как только они вышли на улицу, от холодного ветра Сун Линьчу поежился.

Официант поспешно принес их пальто вместе с подарком, который Туан Туан подарил Сун Линьчу.

Сегодня все гости принесли подарки, но все они были отданы администратору на входе и доставлены позже. После того, как Сун Линьчу проверил их, он оставил то, что хотел, и

оставил остальное. Единственный подарок, который взял Сун Линьчу, был от Туан Туана.

Сев в машину, Сун Линьчу не терпелось открыть пакет и посмотреть, что подарил этот маленький парень. Тан Юэ тоже огляделся.

Сун Линьчу не думал, что этот ребенок преподнесет ему какой-то экстраординарный подарок, поэтому он открыл пакет перед Тан Юэ. Внутри была подарочная коробочка с завязанным вокруг нее узлом бабочки. Сун Линьчу развязал узел и открыл коробку.

Внутри коробочки лежало бумажное кольцо ручной работы. Оно было не очень тонким, но на ободке кольца можно было разглядеть бриллиант крупнее кольца.

На нем красной ручкой было написано «любовь», и было маленькое красное сердечко. Под ним была прижата розовая записка, и там была строчка слов, написанных на пиньине и китайском, криво и наискось:

«Жена, я отложу карманные деньги, чтобы купить тебе настоящее, поцелуй, поцелуй».

Подпись: «Твой тайный возлюбленный, Туан Туан».

Сун Линьчу: «...»

Тан Юэ: «...»

<http://bllate.org/book/14981/1325490>